

МОНТЕССОРИ–ПЕДАГОГИКА — МУЖЕСТВО НЕ СТАРЕТЬ. КОРНИ РЕФОРМ ИТАЛЬЯНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сильвия Вегетти Финци

Теперь уже немало российских монтеessori-педагогов совершали поездки в Италию, на родину Марии Монтеessori. И, наверное, многие замечали, что, в какую бы школу или детский сад в Италии они ни входили, везде чувствовался этот особенный, мало похожий на европейский, дух, овеянный южными цветами, музыкой и безудержным темпераментом итальянцев, с которыми непросто провести «урок тишины» или терпеливо раскладывать на коврике бусинки. Но, оказывается, сами итальянцы недовольны своей школой. Как во всём мире, они пытаются политическими решениями реформировать её и изменить к лучшему. А в последние годы особенно.

Перезапуск системы?

В последние годы итальянская школа претерпела ряд реформ, иногда противоречивых, но каждый раз незаконченных. В начале 2000 года тогдашний министр образования Летиция Моратти начинала с лозунгом «Школа трёх Я: английский, Интернет, предприятие». Лозунг краткий и эффективный, по крайней мере с точки зрения коммуникации. Но её предложения остались лишь буквами на бумаге, а итальянская школа продолжала занимать последние места в бортовых журналах рейтингов

европейских инновационных школ. Последующий Закон Gelmini с целью, в частности, сокращения государственных расходов на образование снова ввёл единого учителя в начальной школе, восстановил десятибалльную оценку и прекратил экспериментальные проекты и оплачиваемые стажировки для преподавателей.

Перезапуск системы образования министром Maria Chiara Carrotzza, поставленной правительством на короткий срок, обозначил пять приоритетов: строительство школ, подготовка учителей, упрощение правил, раннее развитие, занятость молодёжи. Там не было ещё упоминания о компьютеризации школы, а обучение и подготовка преподавателей и студентов сводилась к использованию новых цифровых технологий. Цифровая связь первых пользователей мобильных телефонов, электронных игр, смартфонов и других гаджетов стала использоваться даже среди детей двух лет, хотя это и не предусматривалось школьными программами.

Среди последних проектов, к счастью, ещё не выполненных, был проект устранения преподавания философии в вузах, в результате которого образовался серьёзный технологический отрыв от опорного гуманитарного фундамента. И в то же время противоречия между планами и реальностью в школе сопровождались возникновением жестокого ухудшения условий окружающей среды и социально-экономического уровня семей. Это подтверждают данные об учениках, бросивших школу: 20% учащихся в Северной Италии и 30% на юге.

В каком-то смысле отказ учиться был предсказуем: скажи мне, где ты родился, и я скажу тебе, ходишь ли ты в школу. По сравнению с традицией, фокус смещался от содержания и методов обучения к режиму ознакомления с культурой. Вот что пишет Andrea Ichin — влиятельный юрист, профессор политической экономии в Университете Болоньи: «Государство становится тренером, экспертом и информатором семей». Но разве это именно то, чего мы хотим? Кто становится субъектами оценки, если существует внешний проект, цели которого ставятся преподавателями, а не самими учениками? А ведь отказ от учения в школе в настоящее время принят в качестве официальных измерительных данных. Но мы абсолютно уверены, что эта величина изменяема, потому что можно перейти к другой школе, которая будет лучше той, что существует в настоящее время.

Педагоги заняты борьбой с неуспеваемостью, но, возможно, следует сначала определить лучшие практики образования, спроектировать наилучшую школу для лучшего мира. В последние годы педагогика кажется нам немой, словно она не может больше ничего сказать или предложить. Будто бы и не было до 80-х никаких критических голосов, способных понять состояние школы, предвидеть и предсказывать будущее. Были! Достаточно вспомнить don Vilani, Danil Dolci, Mari Lodi, Gianni Rodari, Lombard Radice, Ald Visalberghi, Giovanni Bollea или опыт «Школа-Сити» во Флоренции...

Дело в том, что не бывает педагогической утопии: два измерения

идут вместе, и, когда горизонт тускнеет, педагогика сводится, как мы видим, к управлению, оценке или в лучшем случае уменьшению дискомфорта.

На протяжении XX века — века великих социальных утопий, передовые школы направляли свои усилия на создание нового человека, а в последние годы функция школы становится вторичной по отношению к другим приоритетам, если не считать последних заявлений премьер-министра Renzi о том, что именно школа может стать возможным решением кризиса труда и безработицы среди молодёжи, а также маргинализации последующих поколений.

Триумф новых «машин»?

Итак, наше внимание устремляется на способности школы обеспечить навыки, необходимые, чтобы выиграть конкурс на рынке труда. Для многих это означает найти рабочее место, для других — хорошее рабочее место, а для третьих — достичь высот служащего суперкомпании, желательно международной, так как национальный масштаб стал статичным и устарел.

С точки зрения крупных иностранных ИТ-компаний (Apple, At&T, Microsoft, Verizon и т.д.), академические навыки должны носить в основном технический характер со знанием языков, доминирующих на рынках. Необходимо также умение использовать распространённые средства мультимедиа незамедлительного и эффективного действия и легко общаться в многозадачном режиме Интернета. Учитывая быстрое развитие подоб-

ных инструментов и кодов, требуется, чтобы люди сначала всему этому научились. То есть образование должно гнаться за технологическим развитием, навязывая соответствующие средства обучения, то есть готовить функционеров.

Никто сегодня уже не помнит, как в 1980-х Фонд Agnelli писал, что новые технологии постфордской промышленности с высоким индексом автоматизации не служат более развитию личности и требуют ответственности за пересмотр инновационных и творческих качеств человека будущего, который формируется в школе.

В настоящее время ведутся интенсивные дебаты между теми, кто поддерживает или критикует информатизацию образования. Тон таких дискуссий повышен с обеих сторон. Одни срочно предоставляют в образовательные учреждения, начиная с детского сада, интерактивные доски широкополосных Fi Wi, парты и планшеты вместо книг (в настоящее время по сравнению с наиболее промышленно развитыми странами мы находимся на одном из последних мест по цифровой форме школы). Другие — те, кто против, — считают компьютер оружием массового поражения, ответственного за необратимые состояния «цифровой деменции».

Мы не осуждаем разрушительные последствия, такие как снижение восприятия, мнемоники, концентрации внимания и социализации в целом, склонность к развитию болезни Альцгеймера. На самом деле большинство мальчиков, в отличие от их преподавателей, приобрели отличную возмож-

ность использовать цифровые инструменты, даже за счёт проявления других качеств, таких как: рефлексия, резкость восприятия, внимание, независимость и самостоятельность, включение дивергентного мышления, умения ошибаться и решать проблемы.

Поглощённые этой битвой, педагоги стали забывать, что естественные человеческие качества их учеников, несмотря ни на что, ребята всё равно приобретут, но не в школе, а в другом месте, так как человеку на роду написано реализовать свой человеческий потенциал, лишь дополнив его современными технологиями.

В этом смысле наследие Италии в области образования нельзя недооценивать. В значительной степени неиспользованным остаётся, например, монтессори-метод — наследие, которое только и ждёт, чтобы его оценили не только с исторической точки зрения, но и обновили как способ самостоятельного получения знаний, интеграции, равновесия и обогащения, которых требует наша национальная школа.

Из такого утверждения не следует, конечно, что наследие Марии Монтессори надо оставить в нише, которой оно было ограничено, чтобы противостоять недостаткам и потребностям государственной школы. Только тогда оно может раскрыть свой полный потенциал и продолжить развитие, когда мы примем во внимание, что век, отделяющий нас от зачатия монтессори-метода, был отмечен беспрецедентными изменениями в обществе, и что новые дети, хотя, по существу, они идентичны детям всех времён и на-

родов, живут в другом контексте, и мы призваны ответить на их радикально иные ожидания.

Кто-то скажет: да, этот метод был создан как инновационный, но много лет назад. Чему он может научить наше поколение педагогов? Ведь это образовательный опыт прабабушек и прадедушек наших детей.

Как ни парадоксально, я считаю, что вклад метода Монтессори в современность состоит именно в прояснении ненужности института школы и в застрахованности детей от её конца. Настало время, когда подростки больше не мотивированы на посещение школ, а детские сады фактически не стремятся помочь работающим матерям, воспитывающим детей. Мария Монтессори помещает личность ребёнка в центр проекта его собственного образования и создаёт нетрадиционные условия, настраивающие детей становиться сильными и смелыми в любое время своей жизни и в любом месте. Педагоги при этом понимают смыслы происходящего с детьми, а также создают условия для их самостоятельного образования.

Зачем человеку образование? Утопия Монтессори

Зачем вообще человеку образование? Это радикальный вопрос. Все педагоги, начиная с Сократа и до последних десятилетий, задавали его. Но ответ рассеивался в мелкую пыль. Думаю, сегодня многие ответили бы: «Учимся, чтобы потом найти достойную работу». Но эта перспектива как бы сворачивает человеческое существо

до размеров необходимости. А человек, прежде всего, «продукт собственных желаний». Нам важно реализовать свой потенциал, в том числе построить лучший мир на нашей планете, в котором и заключается конечная цель человечества.

Мария Монтессори умела говорить на языке педагогов разных стран, которые отличаются от нашей страны, как Соединённые Штаты отличаются от Индии, Японии, Австралии, Германии или России. Это означает, что Монтессори была в состоянии понять общечеловеческие принципы развития, безотносительно отдельных стран и национальных культур, поэтому она называла свою педагогику «космической».

В 1913 году, когда Марию Монтессори приветствовал на земле Америки Джон Дьюи, он назвал её «основателем педагогики, призванной революционизировать мир». Стержнем этой революции является как раз размещение ребёнка, а не учителя, в центр образовательного процесса. Если Руссо в аристократическом Эмиле определил предмет своей педагогики, то у Марии Монтессори ребёнок был признан фундаментом его собственной идентичности, рождённой из тела с сенсорными ощущениями, с которого начиналось познание им мира. Опыт людей, накопленный в ходе первичных манипуляций, служит затем основой для самопостроения человека, всех его сложных навыков и знаний.

«Я не есть тело, но мы с ним со-трудники», — говорит Мерло-Понти. И Мария Монтессори, похоже, подтверждает это странное заявление

в качестве основного принципа своей педагогики.

Положения теории Фрейда поддерживают индивидуалистическое видение образования, индивидуализм. В нём неоднократно обвиняли и метод Монтессори. Но её понимание образовательного процесса было основано на экспериментальной психологии, в которой ребёнок не является, как говорит Аристотель, «общественным животным» от рождения, но строит свои отношения с миром, умение жить, работать и сотрудничать с другими. Процесс, который подтверждал Piaget, когда присоединялся к маленькому ребёнку в его эгоцентрическом видении мира.

Наша школа не способствует равным отношениям педагога с ребёнком. Через свои стулья и скамейки она недооценивает эти отношения. А ведь дети заслуживают гораздо большего внимания, хотя бы для предотвращения злоупотреблений взрослых, часто нарушающих границы детского благополучия.

Возможность выбора

Напомним, что Мария Монтессори жила и активно работала в годы диктатуры власти. Она обращала в свою веру массы и рассматривала идею построения независимости и автономности образования как свою историческую задачу. Сегодня подобные предложения поступают нам, как и многое, из политики или из потребительского шоу-рынка, где доминируют рекламы и процветает оккультизм. В этой обстановке становится очень трудно

сохранить способность выбирать свободу, спасаясь от предрассудков большинства. Мы знаем, что, начиная с раннего детства, все акты человеческой жизни (процесс рождения, становления и даже смерти) подвергаются процедуре принятия решения, процедуре самоопределения, которая имеет важнейшее значение в нынешнем «обществе выбора». И в то же время каждый ученик в школе пребывает в пассивном послушании и полностью зависит от внешней воли взрослых, от принятого другими порядка и дисциплины, он в результате выходит из школы абсолютно неподготовленным к ситуации жизненного выбора.

В противоположность такому положению дел ребёнок в школе Монтессори растёт в обстановке, которая постоянно реагирует на его изначальную потребность быть активным, он может лично выбирать учебный материал, соответствующий потребностям его развития, который предоставлен учителем, может свободно

перемещаться по классу, выбрать игру, с которой он хочет заниматься, как с работой. Он по желанию сколько угодно раз повторяет упражнения с материалом и придумывает новые способы обращения с ним, притом что сам материал одновременно является не просто возможностью манипуляции, а целью и средством его учебного проекта. В этом процессе, направленном на приобретение опыта, ошибка не влечёт за собой наказание учителя, а лишь свидетельствует о пока ещё не полном овладении мастерством, и нет необходимости прибегать к поощрению или наказанию, когда вы осознаете, что работа сделана хорошо.

Возможность свободно принимать решения и самостоятельный выбор пространства и времени не подлежит подчинению авторитарной дисциплине, установленной учителем, так как учитель часто бывает не в ладах с темпами познавательных и эмоциональных процессов каждого из своих

учеников, а такая возможность способствует свободному раскрытию потенциала детей.

Роль учителя

Сегодня школа «переполнена»: слишком много часов, слишком много учеников, слишком много программ, учителей, родителей, слишком много претензий. Выходит, дело в количестве, а не в качестве.

Лучшая Монтессори-школа не та, в который предлагаются уроки английского, музыки, танцев, плавания, пантомимы и карате, а та, которая постоянно обновляется и отражает изменения, возникающие из целей образования и в которой применяются методы работы, уважающие детей и их успехи в ученье. Монтессори учителя — это люди, которые знают историю и психологию образования, готовы наблюдать жизнь детей и предлагать им следующие шаги и направления ученья, способные интегрировать знания разных дисциплин. Они берут на себя обязанность отслеживать изменения, происходящие в опыте детей, которые влияют на их отношение с миром, с собой и с другими людьми. Образовательные отношения учителей и учеников складываются из признания инаковости ребёнка, уважения к секрету его жизни, невмешательства в его личное пространство, повышенного умения ждать и способности признать, что дети не могут знать всё, потому что люди разные и равны только самим себе.

Метод Монтессори учит взрослых не быть директивными, не предвидеть

ответы, не гасить стремления познать, защищают молчание, умение слушать, не путать творчество с бесплодными фантазиями, свободу с анархией и снисхождением, равенство с безразличием, счастье от волнения, которое является результатом не декларации о намерениях — но ответом себе самому: «Я знаю, как быть». Все эти принципы и традиции монтессори-педагогики могли бы стать для современной школы мостом между прошлым и будущим.

Я действительно думаю, что вся итальянская школа должна чувствовать себя наследником монтессори-метода, родившегося в рабочих кварталах Сан-Лоренцо в Риме и dell'Umanitaria в Милане, и не может оставаться лишь в нише экспертизы. Ни одна наука не может остаться навечно инновационной. Детский психоанализ, эмоциональный интеллект, познавательные и нейронауки во все времена были и будут доступны для диалога и полезны для сравнения всем.

Позвольте в заключение вспомнить высказывание А. Макинтайра, выдающегося шотландского философа, который в конце своей главной книги написал о небольших бенедиктинских общинах, где жизнь заключается в работе и молитвах. Людям в этих общинах предоставляется возможность восстановления традиционных добродетелей, удалённых из-за нигилизма современности. Их работа в некотором роде напоминает нам, что наследие Марии Монтессори, возможно, просто затерялось в нашем шумном, дезориентированном обществе и ждёт своего возрождения и развития.